

Какъ относится служеніе общественному благу къ заботѣ о спасеніи своей собственной души?

Письмо въ редакцію.

Слѣдя за поднимающимися въ русскомъ обществѣ религиозными спорами, я съ грустью убѣждался каждый разъ, что главною причиною враждебнаго настроенія противъ церкви со стороны мыслителей-раціоналистовъ бываетъ незнаніе церковнаго ученія, сужденіе о немъ по свѣтскимъ предразсудкамъ, а не по словамъ св. Писанія и св. Преданія. Подобное же явленіе лежитъ въ основаніи и тѣхъ споровъ, когда обѣ стороны мнятъ себя на чисто церковной почвѣ: или одна изъ нихъ, или обѣ заблуждаются въ этомъ своемъ мнѣніи.

Цѣль настоящей статьи—выяснить понятіе о спасеніи по источникамъ Божественнаго Откровенія и оцѣнить съ точки зрѣнія послѣдняго наше свѣтское пониманіе этой религиозной идеи.

Православная вѣра всегда будетъ имѣть враговъ (1 Ио. 4.6), но на насъ будетъ отвѣтъ за враговъ по недоразумѣнію, за тѣхъ, которые уклоняются отъ нея только потому, что не знаютъ ея истиннаго ученія, а слышать о немъ отъ непонимающихъ его литераторовъ, воспитанныхъ на свѣтскихъ сословныхъ предразсудкахъ. Сознательно отвергать раскрытое ясно ученіе вѣры можетъ только сознательный ненавистникъ всякаго добра и свѣта (Ио. 3.19—21): Содому и Гоморрѣ будетъ отраднѣе въ день суда, чѣмъ такому человѣку (Матѣ. 10. 15). Къ счастью, но отчасти и къ стыду нашему, большинство нашихъ невѣрующихъ не вѣруютъ по недоразумѣнію. Я прошу редакцію дать мѣсто одной попыткѣ къ разъясненію нѣкоторыхъ подобныхъ недоразумѣній. Архимандритъ Антоній. 19 января 1892 г.

I.

Значеніе этого, повидимому, слишкомъ простаго вопроса выясняется изъ поднятаго въ Психологическомъ Обществѣ уже годъ тому назадъ литературнаго спора о томъ, что должно быть главнѣйшей цѣлью нашей жизни—личное спасеніе, или общественное благо? Извѣстный Вл. С. Соловьевъ стоитъ за послѣдній отвѣтъ, а его противники, публицисты „Московскихъ Вѣдомостей“, за первый. Споръ этотъ впрочемъ не новый. Въ общественномъ сознаніи обѣ названныя идеи давно представляются во взаимной враждѣ, хотя съ нѣсколькими иными точками зрѣнія. Литература, да и жизненная практика, особенно учащагося поколѣнія, выставляетъ предлогъ служенія обществу, какъ лучшее извиненіе своего религиознаго индифферентизма; ими же оправдываются и прямыя сдѣлки съ христіанскою совѣстью, какъ въ личной жизни, такъ и въ общественной, наприм., педагогической. Съ другой стороны подъ предлогомъ спасенія души люди оправдываютъ и лѣность мысли, не хотящей знакомиться съ врагами вѣры и сознательно ихъ побуждать,—и апатію воли, отказывающейся стоять за правду Божию предъ челоуѣки (Мѣ. 10. 32). Новость теперешней постановки вопроса заключается собственно въ томъ, что онъ перенесенъ на почву религиозную, и оба противоположныя рѣшенія стараются обосновать себя на почвѣ Откровенія, тогда какъ прежніе поборники общественнаго блага осуждали не только личный аскетизмъ, но и вообще стояли за независимую мораль и противъ религиозной. Къ твердому и ясному отвѣту на поставленный вопросъ наше вѣрующее общество, увы, не подготовлено, что, конечно, весьма печально, ибо знать его было бы гораздо существеннѣе съ религиозной точки зрѣнія, нежели умѣть перечислить наизусть двѣнадцать Малыхъ Пророковъ или сказать хронологию Вселенскихъ Соборовъ, за что могутъ взяться многіе, даже изъ свѣтской среды вѣрующихъ.

Въ чемъ же затрудненіе современнаго вопроса? Да въ

томъ, конечно, что религія любви, повидимому, не могла бы давать убѣжища для отрекающагося отъ служенія общественному благу, а съ другой стороны всѣ пожившіе на свѣтѣ видятъ, что всякое общественное положеніе въ условіяхъ современной жизни побуждаетъ человѣка на постоянныя сдѣлки совѣсти, на хитрости и угодничество самолюбіямъ, такъ что люди съ особенно чуткою и религіозною совѣстью не могутъ оставаться въ качествѣ общественныхъ дѣятелей и, удалившись отъ круговорота жизни, становятся, повидимому, совершенно равнодушны къ послѣднему, жить, повидимому, только личною жизнію. Неужели они дѣйствительно теряютъ любовь къ ближнимъ? Неужели христіанская религіозность является какъ бы враждебною для любви? Одинъ изъ участниковъ московской полемики, правда, попытался примирить обѣ цѣли жизни, признавъ, что хотя *побужденіемъ* къ религіозности является вовсе не любовь, но эгоистическій *страхъ* загробнаго воздаянія, но по скольку этотъ страхъ необходимо побуждаетъ человѣка къ исполненію воли Божіей, по стольку и научаетъ его благо творить, даже жертвовать собою. Подобное представленіе дѣла, конечно, только обличаетъ несостоятельность нашихъ понятій о христіанской жизни, ибо страхъ можетъ побудить человѣка лишь къ внѣшнимъ *поступкамъ*, но никакъ не къ любви, какъ *чувству*, которое требуется Откровеніемъ (1 Кор. 13). Изъ страха за себя я никогда никого полюбить не могу. Впрочемъ, наши публицисты и не отреклись бы, что они могутъ признать только „холодно-христіанскую“ (?) любовь *), т.-е. вовсе не любовь, а самоограниченіе внѣшнее во имя долга.

Вообще же весь этотъ споръ показываетъ со всею ясностью, какъ оскудѣло наше разумѣніе слова Божія, такъ какъ послѣднее совершенно не допускаетъ раздѣленія между общественнымъ благомъ и тѣмъ личнымъ внутреннимъ самоусовершенствованіемъ человѣка, къ которому сводятъ понятіе спасенія души.

*) См. Леонтьевъ: «Востокъ, Россія и Славянство».

II.

Вотъ изреченія, изъ коихъ видно, что лишь то дѣло можетъ принести благо обществу, которое вытекаетъ изъ христіански-чистаго настроенія души; безъ послѣдняго первое невозможно. „Можетъ-ли Евѳоплянинъ перемѣнить кожу свою или барсъ пятна свои? спрашиваетъ пророкъ: такъ и вы можете-ли дѣлать доброе, привыкли дѣлать злое?“ (Иер. 13. 23). „Порожденія ехидны, такъ укоряетъ Господь фарисеевъ: какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе; а злой человѣкъ изъ злаго сокровища выноситъ злое“ (Мѣ. 12. 34—36). Собираютъ-ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы? спрашиваетъ Онъ въ другомъ мѣстѣ и заключаетъ: не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые (Мѣ. 7. 16—19). Поэтому-то Господь называетъ тщетными миссіонерскіе труды злочестивыхъ книжниковъ: „Горе вамъ книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хоть одного, и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ“ (Мѣ. 23. 15). Плодоносною будетъ лишь та проповѣдь, учитель которой чрезъ исполненіе заповѣдей пребываетъ во Христѣ (Іо. 15. 4), въ Его любви (Іо). Вотъ подлинныя слова Господа: „какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ“.

Изъ другихъ мѣстъ св. Писанія мы убѣждаемся, что существуетъ и обратная зависимость между личнымъ внутреннимъ усовершенствованіемъ и дѣлами любви, такъ что и первое невозможно безъ второго. Извѣстны слова Апостола, что „чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцомъ есть то, чтобы призирать вдовъ и сиротъ въ ихъ скорбяхъ и хранить себя неоскверненнымъ отъ міра“ (Іак. 1. 27; ср. 2. 15, 16). По слову другого Апостола чисто аскетическая добродѣтель, господство надъ чувственностью,

зависитъ отъ дѣлъ духа, т. е. дѣлъ любви: „поступайте по духу и вы не будете исполнять вождельній плоти“ (Гал. 5. 16 и Рим. 8. 13). Самъ Господь, когда обличалъ фарисеевъ за ихъ обрядовую скрупулезность; опасавшуюся вездѣ нечистоты, то указалъ истинный источникъ внутренняго очищенія въ слѣдующихъ словахъ: „подавайте лучше милостыню изъ того, что у васъ есть, тогда все будетъ у васъ чисто“ (Лк. 11. 41). Спасеніе дому Закхею было обѣщано послѣ его словъ: „се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ и еще кого чимъ обидѣхъ возвращу четверницею“ (Лк. 19, 8).

Итакъ, нѣтъ спасенія безъ участія въ общественномъ благѣ, но и это участіе неосуществимо мѣрами внѣшними безъ проникновенія его духовною силою христіанской любви. При всемъ томъ современная мысль раздробляетъ эти двѣ цѣли жизни: очевидно, что или спасеніе, или общественное благо понимается неправильно, не по разуму Божественнаго Откровенія. Думаемъ, что спасеніе понимается ею узко, а общественное благо — прямо таки искусственно. Разумѣемъ, конечно, не всю современность, ибо мы отмечаемъ возможность хотя временнаго оскуднѣнія церкви; разумѣемъ даже не всѣхъ представителей литературы (ибо напр. Достоевскій представлялъ дѣло совершенно вѣрно и весьма отчетливо; см. „Братья Карамазовы“), но разумѣемъ представленіе обычное, ходячее.

Теперь и поведемъ рѣчь о томъ, какія же именно своеобразныя мысли о спасеніи и объ общественномъ благѣ могли быть причиною ихъ разрозненія у современныхъ писателей того и другого направленія—общественнаго и личнаго.

III.

Каковъ обычный типъ современнаго человѣка, заботящагося о спасеніи души, и къ какимъ дѣламъ побуждаетъ его эта забота? По большей части подъ такими людьми нашей литературѣ и нашему обществу извѣстны или отшельники, или живущіе въ мѣрѣ постники, посѣтители храмовъ Божіихъ, уединяющіеся отъ людей, чтенія мірскихъ книгъ и интe-

реса общественными событіями. Послѣдній видъ спасающихся мірянъ далеко не есть свѣтлый образъ древнихъ христіанъ, но типъ людей суровыхъ, безучастно-недружелюбныхъ. Если ихъ называютъ эгоистами, то вполне справедливо. Правда, они ставятъ себѣ рядъ серьезныхъ и подчасъ тяжелыхъ ограниченій, не служатъ плоти и удовольствіямъ, но поступаться дозволенными себѣ правами они никогда не будутъ: напротивъ съ сильнымъ раздраженіемъ даютъ отпоръ всякому, кто бы на нихъ вздумалъ посягнуть. Правда, они часто не позволяютъ себѣ даже копить денегъ и не прочь жертвовать на храмы или на бѣдныхъ, но это дѣлается на столько же холодно и по обязанности, что ихъ милостыня не утѣшаетъ, но угнетаетъ. Они избѣгаютъ пересудовъ, но въ ихъ неосужденіи ближняго словомъ вовсе не видно сострадательнаго къ нему участія, а лишь уклоненіе отъ словеснаго выраженія своей враждебной настроенности ради страха религіозной отвѣтственности. Присмотрѣвшись къ прочимъ добродѣтелямъ этихъ людей, вы скоро замѣтите, что они держатся ихъ нехотя, даже съ ожесточеніемъ. Отсюда и объясняется ихъ мрачно-холодное настроеніе, ихъ совершенная неспособность исполнять заповѣдь Апостола еже радоваться о Господѣ (1 Фесс. 5. 16), ихъ несогласіе съ тѣмъ, что заповѣди Божія—заповѣди не тяжкія (1 Ио. 5. 3), но иго благое и легкое бремя (Мѣ. 11. 30). Впрочемъ ихъ мрачное настроеніе вовсе не есть тотъ покаянный плачь, который христіанину обязателенъ и вполне совмѣщается съ жизнерадостнымъ прославленіемъ Господа, напр. у Григорія Богослова и Ефрема Сирина; нѣтъ, это мрачное недовольство узника, лишеннаго возможности творить желаемое и принужденнаго ради страха творить нежелаемое. Ихъ всѣ симпатіи лежатъ въ чувственной жизни, ихъ духъ не соучлаждается закону Божію (Рим. 7. 22), и, конечно, очень немногіе изъ нихъ остаются вѣрны своему долгу, но подобно древнимъ іудеямъ, не возмояга носить ига закона (Рим. 2. 17—25; Дѣян. 15. 10), впадаютъ то въ чувственность, то въ невозможную горделивость и нетерпимость. Ради этого мно-

гіе считаютъ ихъ просто лицемѣрами, напр. Іоанна Грознаго. Но это несправедливо. Ихъ переходы отъ молитвъ къ оргіямъ вполне понятны: сухая религія долга не даетъ силъ для борьбы съ чувственностью, даже и при аскетизмѣ внѣшнемъ; къ нимъ примѣнимо все, что говоритъ Ап. Павелъ о безсиліи Вѣтхаго Закона дать человѣку святость, ибо эти люди относятся къ закону Божию именно, какъ іудеи добродѣтельные (Рим. 9. 31 — 33). Заботы ихъ о спасеніи души за гробомъ очень мало отличаются отъ заботы напр. о стяжаніи земнаго обогащенія и соединеннаго съ нимъ подавленія страстей въ торговцѣ или чиновникѣ, которыхъ этого рода забота точно такъ же заставляетъ смиряться, воздерживаться, неустанно трудиться, т.-е. быть внѣшнимъ аскетомъ. Разница только въ томъ, что описываемые религіозные подвижники добиваются услажденій, болѣе прочныхъ и долговременныхъ; въ существѣ они тотъ же себялюбивый эгоизмъ со всею его самозамкнутою исключительностью переносятъ въ міръ загробный, думая заработать себѣ вѣчную жизнь лишь внѣшними подвигами или исполненіемъ внѣшнихъ отдѣльныхъ, прямо и опредѣленно выраженныхъ требованій закона, какъ чиновники исполненіемъ устава своей должности, но объ измѣненіи самого содержанія своихъ чувствъ они заботятся не болѣе этихъ послѣднихъ. Къ такимъ людямъ, хотя бы и искреннимъ, примѣнимо выраженіе Апостола: „имѣющіе образъ благочестія, силы же его отвергнушіеся“ (2 Тим. 3. 5). Характернымъ примѣромъ ихъ религіозныхъ воззрѣній могутъ служить весьма распространенныя въ церковной части нашего общества „Письма Святогорца“. Въ нихъ авторъ говоритъ противъ общественной дѣятельности монаховъ и прибавляетъ, что онъ почитаетъ совершенно неразумнымъ предпочесть спасеніе ближнихъ своему собственному, сколько бы его ни укоряли за себялюбіе. Такимъ образомъ авторъ допускаетъ возможность самому лишиться спасенія за доставленіе его другимъ. Не ясно-ли, между тѣмъ, что если бы онъ могъ кого-либо спасти, то въ этомъ нашель бы лучшее средство для собственнаго спасенія по слову Писанія:

„обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его спасетъ душу свою отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ“ (Іак. 5. 20). Правда, Моисей (Исх. 32. 32) и Павелъ (Рим. 9. 3) соглашались быть отлученными отъ жизни или отъ Господа за братій своихъ, но это было лишь выраженіемъ готовности на логически неосуществимое условіе, ибо самая эта рѣшимость есть доказательство богоподобія названныхъ святыхъ. Святогорецъ совершенно чуждъ подобнаго настроенія: условіями спасенія онъ признаетъ просто рядъ аскетическихъ обязанностей, къ числу которыхъ по его мнѣнію не относится учительство; если бы кто имъ занялся, это было бы, конечно, высоко, благородно, но все-де не угодно Богу,—даже напротивъ, удалило бы его отъ Бога.

Не такъ однако учатъ Отцы Православной Церкви. „Не могу повѣрить,—говоритъ св. Златоустъ,—чтобы тотъ спасеніе получилъ, кто о спасеніи ближняго не радитъ“. Эти слова вселенскаго учителя любилъ приводить Св. Тихонъ Задонскій и прибавлялъ отъ себя: „никто не можетъ болѣе Христа любить, какъ тотъ, который спасенія ближняго ищетъ“ (II. 319, ср. 321). Ту же мысль нѣсколько подробнѣе поясняетъ Св. Димитрій Ростовскій: „Христіанинъ человѣкъ по Божіей заповѣди долженъ есть любить ближняго, яко себе. Аще же любити, яко себе, убо и спасеніе ему, яко себѣ желати и искати долженствуетъ. Небрегій же о спасеніи ближняго не любитъ того, яко самъ себе, ниже имать истинныя любве къ Богу. Но речеть кто: довлѣетъ ми себе смотрѣти, а не другого, довлѣетъ ми своему спасенію внимати, а не о прочихъ спасеніи пещися. Таковому отвѣчаетъ Св. Златоустъ, глаголя: аще и вся исправитъ, а ближняго не пользуется, не увидетъ въ царство. Ни едино исправленіе велико быти можетъ, егда пріобрѣтенія другихъ не преподаетъ (Еф. прав. 4), сіестъ не довлѣетъ мужу добродѣтельному къ спасенію свое исправленіе, аще прочихъ не пользуется, ни исправляетъ... Паки кто речеть: нѣсмъ учитель, ни іерей, ни духовникъ, ни пастырь душъ; не належитъ ми кого учити. Таковому отвѣщаетъ Св. Θεофилактъ:

не глаголи: нѣсмь пастырь, ни наставникъ, инья учити и пользовати не долженствую: лжеши, учителя бо не довлѣютъ къ наставленію всѣхъ ко единому; хошетъ же Богъ, да каждо наставляетъ и созидаетъ другого (I Сол. 5. 11, 14). Но и въ Ветхомъ Заветѣ Давидъ Святый, царь сущій, не имѣеть ли попеченія о пользѣ ближнихъ? Научу, глаголетъ, беззаконныя путемъ Твоимъ и нечестивіи къ Тебѣ обратятся... Кольми паче мы новоблагодатнѣи то творити долженствуемъ“.

Итакъ не любовь къ правдѣ Божіей, но страхъ остается побужденіемъ этого вида современной религіозности. Насъ спросятъ: да какъ возможно допустить столь живое представленіе загробнаго суда у людей, по природѣ чуждыхъ этического духа? вѣдь, извѣстно, что въ эгоистахъ и въ людяхъ чувственныхъ не только мысль о воздаяніи, но даже и мысль о неизбѣжной смерти никакъ не можетъ напечатлѣться въ сознаниі *), что идея будущей жизни развивается въ сознаниі соразмѣрно съ развитіемъ идей нравственныхъ? Поэтому, вѣдь, лишь при ясномъ и возвышенномъ усвоеніи послѣднихъ чрезъ Евангеліе и первая получила значеніе дѣйствительнаго побужденія. Вотъ почему эта идея загробнаго воздаянія становится такимъ побужденіемъ только у христіанъ, хотя теоретически существовала не только у иудеевъ, но достигала художественнаго раскрытія даже въ міеологіи и философіи греческой. Однимъ словомъ, не столько мысль о воздаяніи вліяетъ на развитіе нравственной воли, сколько сама зависитъ, по своей дѣйственности, отъ послѣдней. Какимъ же образомъ страхъ отвѣтственности такъ сильно развился у нашихъ отрицателей общественнаго блага? Отвѣчаемъ: у людей образованныхъ этотъ страхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все ихъ міровоззрѣніе является по причинамъ случайнымъ и чисто личнымъ. Одинъ подобнаго направленія литераторъ говорилъ мнѣ, что, будучи весьма

*) Что такъ художественно изображено въ разсказѣ «Смерть Ивана Ильича», — эгоиста, лишь на смертномъ одрѣ понявшаго неизбѣжность прекращенія земной жизни.

большимъ любителемъ удовольствій въ молодые годы, онъ смертельно заболѣлъ и, потерявъ надежду на врачей, обратился съ молитвой къ Божіей Матери, давъ обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія, постричься въ одной изъ Аѳонскихъ обителей. Постричься онъ, конечно, не постригся и продолжалъ по выздоровленіи срывать цвѣты удовольствія, но страхъ смерти у него остался, а также и несчастное убѣжденіе, будто отнынѣ онъ призывается быть апологетомъ *своей*, насильственно усвоенной религіи, — и вотъ отсюда рядъ его статей о личномъ спасеніи и страхѣ Божіемъ.

Такъ бываетъ и съ нѣкоторыми другими; большинство же усваиваетъ все міросозерпаніе отъ родителей, окружающей обстановки и чтенія извѣстныхъ книгъ, изгоняя изъ ума всякую мысль о возможности иного пониманія религіи; они чувствуютъ, что перемѣна внѣшнихъ условій жизни разрушитъ ихъ міровоззрѣніе, держащееся не на сознательныхъ убѣжденіяхъ, а просто *на привычкѣ*, и потому они всѣ боятся читать мірскія книги. Отсюда исключительность и нетерпимость нашихъ религіозныхъ людей, отсюда же и безконечныя рѣчи о противоположности знанія и вѣры, о религіи безотчетнаго чувства, о гибельности любознательнаго разума, опасеніе религіозныхъ споровъ и даже несочувствіе къ принимающимъ православіе иновѣрцамъ. Люди современнаго дѣятельнаго аскетизма избѣгаютъ даже религіозныхъ книгъ, не подходящихъ подъ ихъ кругозоръ, многіе — даже Библию и Златоуста, да и изъ аскетовъ древнѣйшихъ читать не любятъ, а равно и Нила Сорскаго; читаютъ только учителей покаянія и дисциплины: пр. Ефрема, Исаака, Лѣствичника и Дороеея, но никакъ не Василия Великаго, хотя онъ и начальникъ нашего монашества, ни Макарія, ни Нила Синайскаго. Развѣ это не фактъ, что распространеніе св. Библии въ народѣ на русскомъ языкѣ подобныя люди считаютъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ штундизма, заявляя объ этомъ и на собраніяхъ, и въ официальныхъ бумагахъ, и въ магистерскихъ диссертацияхъ и подавая тѣмъ поводъ врагамъ православія глумиться надъ нашей вѣрой и представ-

лять ее враждебною Откровенію (см. Лѣсковъ: „Полунощники“, „Вѣстн. Евр.“, ноябрь 1891 г.). Излагая вѣроученіе молоканъ, одинъ миссіонеръ всѣ пункты ихъ катехизиса передавалъ словами Библии, желая на дѣлѣ показать, насколько гибельно ея распространеніе въ народѣ. Особенно онъ возмущался противъ русской Библии съ параллельными мѣстами, въ которой противъ второй заповѣди приводится ссылка на слова Второзаконія: „дабы вы не развратились и не сдѣлали себѣ изваяній, изображеній какого-либо кумира, изображающаго мушину или женщину“ (4. 16) и т. д. А чѣмъ виновата Библия, что воззрѣнія миссіонера не согласны ни съ нею, ни съ истиннымъ православіемъ 7-го Вселенскаго Собора, гдѣ преподано весьма духовное ученіе объ иконопочитаніи, вполне согласное съ духомъ Библии? Да, отъ св. Писанія современные свѣтскіе аскеты ушли совсѣмъ далеко и по понятіямъ, но еще дальше по настроенію.

IV.

Но какъ смотреть подобныя богословы на исполненіе евангельскихъ заповѣдей? Естественно, что они и о Богѣ думаютъ примѣнительно къ своему личному настроенію; ихъ понятіе о богоугожденіи приближается къ магометанскому. Въ ихъ глазахъ Христосъ сознаетъ себя прежде всего, какъ *Властителя* вселенной, и оцѣняетъ людей не по ихъ внутреннему расположенію, не на сердца ихъ смотреть вопреки Писанію (1 Царств. 16. 7) и ненавидитъ хулу не на Святого Духа, а на Свою Личность (Мѣ. 12. 32). Ученіе о томъ, что пророчествовавшіе именемъ Его и творившіе вѣрою въ Него чудеса, но чуждые Его любви будутъ изгнаны (Мѣ. 7. 21—24) и увидятъ иныхъ народовъ, приходящихъ отъ востока и запада и возлежащихъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ (Мѣ. 8. 11) для нихъ такъ же непонятно, какъ фарисеямъ слова Господни о томъ, что даже „мытари и любодѣйцы предварятъ ихъ въ царствѣ небесномъ“ (Мѣ. 21. 31). Ученіе о томъ, что мы спасаемся вѣрою (Еф. 2. 8) и отрекаемся еретика чловѣка (Тит. 3. 10), наши свѣтскіе законники

понимаютъ въ этомъ же личномъ смыслѣ. По ихъ мнѣнію смыслъ здѣсь не тотъ, что безъ вѣры мы не будемъ имѣть силы къ выполненію благихъ пожеланій (Рим. 7. 25), и потому окажемся неспособны возсоздать въ себѣ Христовъ образъ, умерщвленный грѣхомъ (Еф. 2. 5),—нѣтъ, они представляютъ дѣло проще: имъ кажется, что какъ земной властитель, охотно извиняя личные пороки подчиненныхъ, требуетъ прежде всего полного признанія ими принадлежащихъ ему правъ, такъ и Господь, осуждая чловѣка за непринятіе того или иного догмата, собственно негодуетъ и отмщаетъ ему за несогласіе чловѣка признать всѣ Его богооткровенныя совершенства. Вотъ почему наши мірскіе богословы отличаются страшною нетерпимостью къ сектантамъ, но не къ злодѣямъ. Представляя себѣ, подобно новоіудеямъ, магометанамъ и отчасти протестантамъ, волю Божию, какъ волю деспотическую, они думаютъ, что она легко удовлетворяется слѣпою покорностью. Иногда можно отъ нихъ слышать или читать прямыя признанія, что по нынѣшнимъ грѣховнымъ временамъ тщетно и надѣяться на вмѣщеніе въ себя духа Христова, а надо искать спасенія путями окольными. И вотъ является искаженное ученіе о предствительствѣ Пресв. Богородицы въ томъ смыслѣ, что усердно и усиленно къ Ней прибѣгающихъ и прославляющихъ Ея св. имя Она принимаетъ подъ Свою небесную защиту почти независимо отъ ихъ внутренняго расположенія, такъ что умирающіе въ предѣлахъ Ея земного жребія, на Аѳонѣ, непременно спасутся всѣ до одного (объ этомъ см. „Письма Святогорца“). Конечно, ни одинъ истинно православный христіанинъ не пожелаетъ умалять значенія предствительства за насъ Богородицы и св. угодниковъ, но онъ хорошо знаетъ, что такого предствительства заслуживаютъ лишь тѣ люди, которые имѣютъ намѣреніе подражать святымъ и измѣнить свое грѣховное настроеніе, которые, отверзая уста свои для прославленія Царицы Матери, исполняются духа и просятъ Ее, чтобы Она утвердила Своихъ пѣснословцевъ въ Своей *Божественной славы*. Напротивъ современные отрицатели внут-

ренняго возрожденія думаютъ, и весьма послѣдовательно со своей точки зрѣнія, что главною, если не единственною, обязанностью человѣка оказывается заявленіе своей готовности исполнить волю небесъ, и, не заботясь уже затѣмъ о проведеніи ея въ свое сердце, они всецѣло уподобляются тому сыну хозяина, который на приказаніе отца работать въ виноградникѣ отвѣчалъ: хорошо, отецъ, вотъ я иду, и не пошелъ (Мѣ. 21. 30), но вовсе они не могутъ понять, почему Спаситель болѣе одобрилъ другого сына, исполнившаго приказаніе не на словахъ, а на дѣлѣ. Не понять имъ и изображенія Страшнаго Суда, на которомъ Господь будетъ спрашивать о дѣлахъ по отношенію къ ближнимъ. Правда, нашимъ искателямъ спасенія извѣстно, что Господь требуетъ такихъ дѣлъ, но, исполняя съ неохотой внѣшнія дѣла любви, эти люди смотрятъ на вторую заповѣдь закона Христова не только какъ на чисто внѣшнюю, касающуюся дѣлъ, а не чувства, но и какъ на существующую „между прочимъ“ и по существу такъ же слабо касающуюся богоугожденія, какъ мало можно угодить земному властителю чрезъ братолюбное отношеніе къ его подчиненнымъ.

Весьма понятно, что общественное благо представляется для такихъ людей не только дѣломъ второстепеннымъ, но и вообще дѣломъ свѣтскимъ, непривязаннымъ прямо къ культу, какъ къ первѣйшему средству для угожденія Богу. И замѣчательно, что подобное воззрѣніе на общественное благо, какъ на область не прямо религиозную, а государственную, какъ будто бы находится и въ послѣднихъ сочиненіяхъ Вл. С. Соловьева. Правда, его раздѣленіе общественной жизни на церковную, государственную и литературную, сообразно священству, царству и пророчеству, отнесенительно, ибо онъ желаетъ подчинить религиозной идеѣ всѣ три области. Однако мы все-таки не можемъ согласиться съ тѣмъ, что авторъ, повидимому, удѣляетъ на долю пастырей только священнодѣйствованіе, на которое онъ опять же смотритъ не какъ на актъ моральный (возлюбимъ другъ друга да единомысліе исповѣмы), но какъ на актъ только

„мистическій“, т. е. какъ на какое-то священное волшебство. Любимая его рѣчь—о таинствахъ, какъ матеріальныхъ посредствахъ благодати, о духовно-мистическомъ тѣлѣ церкви и т. п. Начало же общественнаго блага, и даже повидимому нравственнаго, нашъ мыслитель усваиваетъ государству, и потому неоднократно повторяетъ, что именно государство должно быть главнымъ предметомъ вниманія для поборниковъ царства Божія на землѣ.

Но мы еще далѣе отъ соглашенія съ тѣми писателями, которые не только отдѣляютъ понятіе общественнаго блага отъ угожденія Богу или спасенія души, — но и самое спасеніе понимаютъ, какъ чисто условную, внѣшнюю дѣятельность, побуждаемую и сопровождаемую себялюбивымъ страхомъ загробной участи; у этихъ религиозность, какъ мы сказали, эгоистическая и утилитарная.

V.

Полемисты „Московскихъ Вѣдомостей“ соглашаются съ тѣмъ, что у современныхъ поборниковъ личнаго спасенія побужденія эгоистическія, но утверждаютъ, что такъ и быть должно въ христіанинѣ, и приводятъ *несуществующее* изреченіе Апостола: „начало премудрости страхъ Божій, а плодъ его любовь“. Это изреченіе повторялъ почти въ каждой своей статьѣ покойный Леонтьевъ, выдавая его, какъ и нѣкоторые другіе свои собственные афоризмы, за слово Божіе. Но истинное православное христіанство осуждаетъ всякій эгоизмъ. Первое и необходимое условіе слѣдованія за Христомъ: „отвергнись самого себя“ (Мѣ. 16. 24); самого себя, т. е. всякой привязанности къ своему я. — Но развѣ Господь не учитъ насъ представлять себѣ мысль о загробномъ воздаяннн въ качествѣ побужденія къ добродѣтели? Или ужъ совсѣмъ не правъ утилитаризмъ, считающій въ числѣ своихъ поборниковъ Н. Завѣтъ? Отвѣчаемъ: да, совсѣмъ не правъ, ибо изъ многихъ словъ Евангелія мы знаемъ, что мысль о судѣ можетъ вліять лишь на добрую волю (Іо. 3), что отъ ея свободнаго

рѣшенія зависитъ идти навстрѣчу проповѣди любви или отреченія, смотря по тому, чему эта воля симпатизируетъ. Мысль о загробномъ воздаяніи помогаетъ поборникамъ добродѣтели, но мысль эта, или представление о полномъ торжествѣ добра и осужденіи зла можетъ сдѣлать лишь то, что человѣкъ не будетъ отстранять своего вниманія отъ создавшейся у него свободной симпатіи къ добру и отвращенія отъ зла, а вызвать эти симпатіи или убить ихъ зависить отъ его свободнаго произволенія (Іо. 5. 40): даже воскресшій мертвецъ не можетъ измѣнить сего произволенія (Лк. 16. 31). Конечно, христіанская любовь есть источникъ наслажденія не только въ будущей жизни, но и здѣсь на землѣ, однако называть эгоистомъ человѣка, созидающаго въ себѣ эту любовь, — чистѣйшее недоразумѣніе; въ эгоизмѣ цѣлью является самое состояніе наслажденія; но наслажденія чистой духовной любви лишь въ такой мѣрѣ могутъ быть намъ доступны, въ какой мы отрѣшаемся отъ желанія самага наслажденія, — въ какой желаемъ блага не себѣ, а тѣмъ, кого любимъ. Этимъ-то духовная любовь различается отъ любви плотской; если человѣкъ пожелалъ бы любить для того собственно, чтобы испытать наслажденія духовной христіанской любви, *то онъ никогда не полюбитъ* и этихъ наслажденій не испытаетъ: они доступны только для того, кто наслажденія, какъ наслажденія, не ищетъ, кто напротивъ отъ нихъ отрекается, кто ищетъ блага только другимъ, а не себѣ. Объ этомъ духовномъ наслажденіи одинъ старецъ сказалъ св. Феогнію, спрашивавшему его, какъ ему найти миръ душевный. Старецъ отвѣтилъ: „ищи скорби и найдешь покой, а ищи покоя, будешь объять скорбями“ (см. „Палестинскій Сборникъ“, 32). Вотъ почему всякое наслажденіе можно назвать эгоистическимъ кромѣ радости христіанской любви, кромѣ наслажденій райскихъ. *Христіанство есть чистый альтруизмъ*, чуждый всякаго утилитаризма, и если современные религіозные себялюбцы по своимъ внѣшнимъ подвигамъ подобятся истиннымъ православнымъ христіанамъ, то сходство лишь кажущееся.

Теперь намъ легко понять, что добрый христіанинъ не бываетъ себялюбцемъ или утилитаристомъ даже въ томъ случаѣ, когда говоритъ, что подвизается ради спасенія души послѣ смерти, ибо самое спасеніе онъ понимаетъ, какъ начало, исключающее собою всякій эгоизмъ. Но чтобы эти термины никогда насъ не сбивали, остановимся на нихъ подробнѣе и покажемъ, какъ далеки эти понятія (альтруизмъ и эгоизмъ) другъ отъ друга, хотя современные утилитаристы—Милль и Спенсеръ—стараятся ихъ слить воедино,—и какъ, слѣдовательно, далеки отъ истиннаго христіанства религіозные эгоисты. Прежде всего надо твердо усвоить ту самоочевидную истину, что эгоизмъ и альтруизмъ различаются между собою не по внѣшнимъ дѣятельнымъ проявленіямъ воли, ибо послѣднія могутъ быть почти одинаковы у тѣхъ и другихъ,—и даже не по представленію тѣхъ конечныхъ цѣлей, коими ихъ дѣятельность руководится, — ибо весьма часто эти представленія неправильно отображаютъ сущность внутреннихъ побужденій. Случается напр., что человѣкъ, исполненный любви и помогающій ближнему единственно по влеченію сердца, говоритъ всѣмъ и про себя думаетъ, будто это онъ дѣлаетъ ради только исполненія воли Божіей, завѣщанія покойнаго родителя и т. п. Онъ отчасти правъ, но указываемыя имъ побужденія суть только второстепенныя, обязанныя собою иному, незамѣчаемому имъ побужденію—чувству искренней любви къ людямъ. Разность между эгоизмомъ и альтруизмомъ опредѣляется не по господствующему въ сознаніи человѣка *представленію*, но сообразно съ тою настроенностью *чувства*, которая господствуетъ въ человѣческой жизни и дѣятельности. Альтруистъ тотъ, который любитъ сердцемъ, — который наполненъ мягкимъ чувствомъ, нѣжною симпатіей къ ближнему или восторженнымъ умиленіемъ предъ Богомъ и Спасителемъ и совершенно невоспримчивъ къ собственному благополучію въ любомъ смыслѣ сего слова. Альтруистъ-теоретикъ, исповѣдующій независимую мораль, но лишенный чувства любви, не есть еще альтруистъ на самомъ дѣлѣ, хотя бы онъ по-

могаль ближнимъ до самоотверженія. Пусть онъ не сознаетъ въ себѣ ясно никакого другого мотива, кромѣ представленія истинности той теоріи, которая его побуждаетъ благотворить,—но это, какъ и вообще всякое представление, можетъ служить лишь *условіемъ побужденія*, а не настоящимъ побужденіемъ. Одно и то же представление истинности, достодолжности какого-либо поступка, повидимому, вызываетъ къ дѣятельности совершенно различныхъ людей по совершенно различнымъ *дѣйствительнымъ* мотивамъ. Дѣйствительныхъ побужденій къ движеніямъ воли только два рода: любовь или себялюбіе съ ихъ развѣтвленіями. Обнаруживаются эти мотивы въ сознаніи человѣка по тѣмъ сопровождающимъ ихъ дѣятельность *чувствамъ*, въ зависимости отъ которыхъ и самая дѣятельность воли получаетъ совершенно различную *нравственную оцѣнку*, ибо одна цѣна чувству гордости, другая—тѣлесному состраданію, третья—духовному соболѣзнованію. Фарисей притчи, Закхей, Тавиоа, Ап. Павелъ и Ап. Іоаннъ—всѣ помогали ближнимъ, представляя себѣ эту помощь исполненіемъ воли Божіей, и однако, при тождествѣ руководящаго представленія, оцѣнка дѣятельности совершенно различная. Фарисей понимаетъ, что праведенъ и достоинъ уваженія только исполнитель Божіей воли: вотъ онъ и отдаетъ десятину нищимъ, чтобы имѣть право считать себя праведнымъ и горделиво наслаждаться этимъ сознаніемъ; если бы Господь отъ него потребовалъ избіенія ближнихъ, онъ бы совершилъ и это, и вѣроятно съ большимъ удовольствіемъ. Мотивъ его повиновенія—стремленіе къ высшему и цѣнному бытію въ своихъ глазахъ, т. е. себялюбіе, но не любовь. Отдаетъ полъ имѣнія Закхей по восторженному, благоговѣйному чувству ко Христу Спасителю; не знаю, остановились бы и онъ, еслибы отъ него потребовали совершенно иного рода дѣятельности для проявленія сего чувства. Его мотивъ—чувство благодарной привязанности личной. Мы не знаемъ внутренней жизни Тавиоа (Дѣян. 9. 36—42), но весьма возможно, что исполняя волю Божію, она руково-

дилась чувствомъ непосредственного состраданія, мало философствуя надъ послѣднимъ. Разница существуетъ не только между правильнымъ и ложнымъ пониманіемъ религіознаго человѣколюбія, но и между различными способами правильного пониманія. Возвышенно и свято понимаетъ смыслъ благотворенія св. Павелъ, но различную настроенность чувства испытываетъ онъ сравнительно съ Іоанномъ. Любовь, какъ сила, борющаяся съ міромъ и отражающая въ себѣ величіе небснаго Владыки въ противовѣсъ земному себялюбію, какъ основаніе новаго порядка міровой жизни, какъ нѣчто величественно грандіозное, потрясающее основы жизни,—все это совмѣщается въ настроеніи Павла, торжественномъ и міровомъ. Настроеніе Іоанна уже пережило въ себѣ эти чувства міровой борьбы: оно есть „гласъ хлада тонка“ (3 Цар. 19. 12), предвкушеніе невозмутимой, тихой радости небесъ и надзираніе за тѣмъ, какъ она усваивается его духовными дѣтьми. Предъ нимъ не цѣлое, не мятушійся вихрь борьбы, а жизнь сердца, рядъ дорогихъ личностей съ ихъ внутреннимъ возрастаніемъ. Онъ старается перелить въ нихъ ошущеніе небснаго блаженства любви; его любовь есть по преимуществу внутренне переживаемое *настроеніе чувства*; онъ какъ бы покоится на лонѣ любви, уже не чувственно, какъ при земной жизни Спасителя, но духовно.

VI.

Поставивъ на надлежащую почву оцѣнку нашихъ побужденій, мы легко поймемъ, когда мысль о загробномъ воздаяніи унижаетъ нашъ подвигъ, и когда не унижаетъ: вопросъ этотъ рѣшается по тому *чувству*, коимъ сопровождаются религіозные подвиги. Если это чувство не любовь къ Богу и людямъ, а гордость или себялюбивый страхъ, то такіе подвиги не могутъ служить къ созданію внутренняго человѣка, хотя-бы по внѣшнему виду вполне подобились подвигамъ любви.

Впрочемъ, надо оговориться, что это подобіе можетъ протираться лишь до извѣстной степени. Дѣйствительно, если

кроме любви во всякой нравственной деятельности может существовать лишь одно побуждение самолюбия или себялюбия, если руководящая нашей деятельностью теоретическая представления являются лишь кажущимися побуждениями, а истинными остаются лишь эти два класса себялюбия и любви в различной степени их смешения или развития, то неужели невозможно познать внутренний мир человека по наблюдениям над его жизнью? неужели у тонкого себялюбца и у служителя любви внешняя жизнь может быть совершенно одинаковая?—Нѣтъ, это сходство все-таки относительно, ибо простирается лишь на некоторые стороны деятельности, а кроме них существуют другія проявления, которые возможны только для любви, для истиннаго христианства. Таковы дѣла благотворительности духовной, исцѣленіе страданій чисто духовныхъ, происходящихъ отъ причинъ внутреннихъ: ободреніе унывающихъ и отчаивающихся, вразумленіе согрѣшающихъ, одухотвореніе служащихъ плоти, убѣжденіе невѣрующихъ и т. п. (Лук. 4. 18, 19). Здѣсь-то и проявляется безсиліе современныхъ искателей истины: названныхъ благодѣяній оказать они безусловно не способны, если послѣднія неисполнимы средствами внешними, если—иначе говоря—бѣды ближнихъ произошли не по внешнимъ причинамъ, какъ бѣдность, недоразумѣніе и т. п., а по причинамъ внутреннимъ, по оскудѣнію духовныхъ силъ въ людяхъ. И дѣйствительно мы видимъ совершенное оскудѣніе дѣлъ духовной милости, этого нелицемѣрнаго испытанія любви въ большинствѣ современнаго типа церковныхъ христіанъ (и, конечно, во всѣхъ безусловно альтруистахъ свѣтскаго направленія). То, что составляетъ существенный признакъ любви, имъ чуждо: отсюда слѣдуетъ, что не только своими настроеніями, но и дѣлами они обличаютъ сами себя, показывая, на сколько основа ихъ жизни есть основа ложная, чуждая божественнаго ученія.

Но, можетъ быть, мы идемъ не только противъ современнаго искаженія, но и противъ церкви, одобрявшей подвигъ отшельничества, повидимому, чуждаго служенію міру? Ни-

когда! Въ виду этого вопроса мы въ самомъ началѣ статьи раздѣлили ревнителей спасенія на монаховъ и на мірскихъ подвижниковъ. Конечно, обрисованный нами несимпатичный и неевангельскій типъ встрѣчается и между отшельниками, и отъ усвоенія его предостерегаютъ ихъ всѣ учителя аскетизма, начиная съ преп. Макарія *), но это уклоненія, а не правило; настоящій аскетъ-отшельникъ исполненъ духа любви, даже женственной мягкости по отношенію къ людямъ, будучи неумолимо суровъ къ себѣ самому и къ своей плоти. Въ этомъ легко убѣдиться, читая житія древнихъ святыхъ, да и современныхъ подвижниковъ (Серафима, Амвросія) и цѣлыхъ подвижническихъ обителей (Валаама, Руссика). Иначе и быть не можетъ, ибо не говоря уже о братіяхъ монашескихъ общежитій, поставленныхъ въ болѣе тѣсныя отношенія къ своимъ ближнимъ, чѣмъ міряне, и обязанныхъ всегда наблюдать любовь къ братіи, — даже уединенные отшельники, не служа людямъ тѣлесно и сосредоточивая всѣ подвиги около созиданія своего внутренняго міра, непременно включаютъ въ него и любовь ко всѣмъ. Эта любовь имѣется во всѣхъ отеческихъ описаніяхъ аскетическаго совершенства и выражается всѣми отшельниками въ молитвѣ за всѣхъ. Любовь занимаетъ высшее мѣсто въ восьми или семи духовныхъ добродѣтеляхъ по ученію аскетовъ. Чуждые любви не достигли еще аскетическаго совершенства. Вотъ слова преп. Макарія: „Не слышишь-ли, что говоритъ Павелъ? Если имѣю всѣ дарованія, аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, аще языки ангельскими глаголю, любве же не имамъ, ничтоже есмь (I Кор. XIII. 1—3). Ибо дарованія сіи руководствуютъ только къ совершенству; и достигшіе оныхъ, хотя и во свѣтѣ, однако же еще младенцы. Многіе изъ братій восходили на сію степень, и имѣли дарованія исцѣленій, откровеніе и пророчество; но поелику не пришли еще въ совершенную любовь, въ которой союзъ совершенства (Кол. III. 14), то

*) См. по Добротолوبію преосв. Θεοφана изъ св. Макарія, прав. 162—174.
6*

возстала въ нихъ брань, и они, вознерадѣвъ, пали⁴ *). Если читателю болѣе извѣстны житія подвижниковъ, чѣмъ ихъ творенія, то ему должно быть извѣстно и то, что самые строгіе отшельники болѣли душой за грѣхи людей и съ любовью о нихъ молились. Вспомнимъ житіе преп. Марка, который, послѣ многихъ лѣтъ полнаго одиночества, увидѣвъ человѣка, прежде всего спросилъ: сохранили-ли люди ту вѣру, которая колеблетъ горы? Или житіе Маріи Египетской, которую встрѣтилъ въ пустынѣ пр. Зосима и просилъ сотворить молитву о православныхъ церквахъ и царяхъ; ея молитва была такъ усердна, что святая поднялась на воздухъ.

Отшельники покидали міръ не на всю жизнь, а на время совершенствованія, по истеченіи котораго къ нимъ стекались и ученики-монахи и міряне, какъ къ Пахомію или Симеону Столпнику; притомъ великіе начальники пустынножительства, наприм. Василій, совѣтовали предпочтительно избирать монастырскую жизнь предъ пустынничѣствомъ, и на вопросъ: подобають-ли инокамъ учить мірскихъ дѣтей? Василій отвѣчалъ утвердительно.

Итакъ не по скудости любви уходили люди въ пустыни, а во избѣжаніе вреда себѣ и ближнимъ. Они были слишкомъ далеки отъ современнаго заблужденія, будто каждый литераторъ и чиновникъ, хотя нисколько не пекущійся объ очищеніи своего сердца, непременно явится благодѣтелемъ, а не злодѣтелемъ для своего ближняго. Кто взвѣситъ, приноситъ-ли обыкновенный дѣятель больше добра ближнимъ или зла? Кому не извѣстно, въ какихъ враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу стоятъ такіе дѣятели? Сколько дѣлается ими въ интересахъ партіи, въ интересахъ личности? Благодѣтельна для жизни наука и литература. Но и эти не являются-ли (наряду съ геніальными идеями и высокимъ подъемомъ святыхъ чувствъ) вмѣстилищемъ злостной брани, подтасовки и клеветы! Не мечтали-ли виновные во всемъ этомъ быть благодѣтелями ближнихъ? Правда, въ древніе вѣка наука была

*) Тамъ же, стр. 273.

болѣе безкорыстна и потому болѣе искренна, но и совѣсть христіанъ была яснѣе и убѣждала отшельниковъ, что естественный человѣкъ, не упражнявшійся въ борьбѣ съ собою, приноситъ ближнимъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы, пока не проникнется благодатнымъ настроеніемъ духовной жизни чрезъ сосредоточеніе надъ своей душой. Для сей-то цѣли они удалялись и удаляются въ монастырь или пустыню. Напротивъ, ихъ неудачные подражатели изъ мірянъ не удалялись отъ ближнихъ тѣломъ, а только духомъ, по необходимости доставляютъ послѣднимъ постоянныя огорченія своимъ безучастіемъ, и тѣмъ сами раздражаются еще болѣе и продолжаютъ не совершенствоваться, но портить свой характеръ, превращаясь въ докучливаго брюзгу, какимъ дѣлается человѣкъ, котораго заставили заниматься тѣмъ, чѣмъ онъ вовсе не желаетъ, что просто претитъ его душѣ, но чего онъ прекратить не можетъ ради страха предстоящей отвѣтственности; подобнымъ-то образомъ воспринимаются сознаниемъ этихъ людей христіанскіе добродѣтели и подвиги и страхъ за спасеніе своей души.

VII.

Не такъ учить о спасеніи Слово Божіе и Св. Церковь. Здѣсь подъ спасеніемъ вовсе не разумѣется одно только загробное воздаяніе, какъ и подъ вѣчною жизнью не одна загробная жизнь. Господь есть источникъ жизни (Іо. 1. 4); эта жизнь, этотъ свѣтъ, есть любовь (І Ио. 4. 8), пребывающій въ ней пребываетъ въ Богѣ (І Ио. 4. 16), а кто не въ любви, тотъ внѣ Бога, внѣ жизни, тотъ не отъ Бога (І Ио. 4. 8); ненавидящій пребываетъ во тьмѣ (І Ио. 2. 9). Человѣчество вышло изъ послушанія и любви и тѣмъ потеряло райское блаженство и вѣчную жизнь (Быт. 3. 22). Возвратить ему это блаженство—значитъ возвратить стихію любви. Правда, оно и само къ ней стремилось вѣлніемъ совѣсти, но встрѣчая въ своей природѣ и условіяхъ общественной жизни другую, произвольно усвоенную стихію себялюбія, не имѣло силъ оживить любви и рая: терніе заглушало всякій рос-

токъ пшеницы. Но вотъ жизнь сама пришла въ міръ, открылась намъ во Христѣ (I Ио. 1, 2; Кол. 3. 4); лана внутренняя возможность подражать живому образцу, имѣтъ тѣ же чувствованія, которыя во Иисусѣ Христѣ (Фил. 2. 5) и снова жить съ Богомъ и въ Богѣ, быть Его обиталищемъ, Его храмомъ (I Кор. 6. 19), и чрезъ то блаженствовать. Возвращеніе-то этой утерянной Божественной жизни, заключающейся въ любви, умерщвляющей себялюбіе, т. е. ветхаго человѣка, называется на языкѣ Библии *спасеніемъ*. Спасеніе получается человѣкомъ на землѣ, постольку, поскольку созидается въ немъ Христова любовь, та новая жизнь, которой онъ не могъ въ себѣ водворить, пока не соединился со Христомъ, когда всѣ его понятія и взгляды на жизнь измѣнились и стало *все новое* (II Кор. 5. 17). Поэтому-то христіанинъ и называется спасаемымъ (I Кор. 1. 18), спасающимся (Дѣян. 2. 47), а вѣра христіанская, или содержаніе евангельской проповѣди—спасеніемъ (Лук. 3. 6; Иоан. 4. 22; Дѣян. 13. 26; II Петр. 3. 15; Евр. 1. 14; 6. 9); увѣровавшие и проникнувшіеся плодами вѣры считаютъ себя уже спасенными (Еф. 2. 5; Рим. 8. 24); если же рѣчь идетъ еще о борьбѣ двухъ взаимно исключających себя жизненныхъ началъ, то говорится о спасеніи, дѣйствующемся въ насъ (II Кор. 1. 6), о возрастаніи во спасеніе (I Петр. 2. 2), о содѣваніи спасенія (Фил. 2. 12). Во всѣхъ этихъ случаяхъ слово спасеніе можно замѣнить словомъ добродѣтель, христіанская любовь,—говоря иначе, спасеніе—является не воздаяніемъ за это хожденіе въ обновленной жизни (Рим. 6. 4), но оно и есть именно эта жизнь; „се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебѣ, единаго, истиннаго Бога и Его же послалъ еси Иисусъ Христа“ (Ио. 17. 3). Усвоеніе богопознанія и любовь—вотъ источникъ небесной радости еще здѣсь на землѣ. Правда, эта радость здѣсь возмущается паденіями, борьбой и страданіями, отъ чего тамъ за гробомъ она освободится, но заключаться и тамъ она будетъ въ томъ же, въ чемъ здѣсь. Это объяснилъ Господь въ тѣхъ словахъ, гдѣ общается всѣмъ отрѣшившимся отъ земныхъ привязанностей получить

„нынѣ во время сіе среди гоненій во сто кратъ больше домовъ, и братьевъ, и сестеръ, и отцовъ, и матерей, а въ вѣкѣ грядущемъ жизнь вѣчную,“ (Марк. 10. 30). Очевидно, рѣчь о томъ внутреннемъ наслажденіи, которое дается чрезъ отрѣшеніе отъ мучительнаго себялюбія и чрезъ усвоеніе любви; это наслажденіе умножится за гробомъ количественно, по степени своей ясности и невозмутимости, но не по качеству. Это наслажденіе заключается въ заповѣдяхъ любви: „аще хощеша внити въ животъ, соблюди заповѣди“ (Мѣ. 19. 17). Будущая жизнь, правда, иногда противопоставляется настоящей, но лишь тогда, когда рѣчь идетъ о нравственной борьбѣ, о борьбѣ съ естественными потребностями, напр., въ притчѣ о Лазарѣ, но противопоставлять такимъ образомъ нашимъ искушеніямъ можно не только мысль о будущей жизни, но и о дальнѣйшей жизни настоящей или о томъ времени земной еще жизни, когда эта борьба совсѣмъ ослабѣетъ, человѣкъ станетъ властителемъ и своей плоти, и своихъ духовныхъ страстей, и начнетъ безпрепятственно наслаждаться Божественною любовью, которую теперь онъ испытываетъ лишь временно, въ рѣдкія минуты нравственнаго просвѣтленія. Не помню, въ какой бесѣдѣ св. Иоаннъ Златоустъ пространно говоритъ о томъ, что адъ и рай начинаются въ душѣ человѣка здѣсь на землѣ: праведникъ наслаждается любовью и общеніемъ съ Богомъ, а грѣшникъ, мучась собственной злобой, уже возжегъ себѣ адскій пламень. Чтобы насъ не обвинили въ своеобразномъ пониманіи Св. Писанія, приведемъ подтверждающія такое пониманіе изреченія какого-либо Отца Церкви, напр. хотя бы преп. Макарія Великаго по Добротолубію преосв. Феофана.

Вотъ мысли св. Отца о томъ, что вѣчная жизнь и вѣчный блаженный покой начинается здѣсь и заключается въ христіанскомъ добродѣтельномъ настроеніи. „Если внутренний твой человѣкъ опытно и несомнѣнно извѣдалъ все сіе, то вотъ живешь ты подлинно вѣчною жизнью, а душа твоя даже нынѣ *упокоивается съ Господомъ*, вотъ дѣйствительно приобрѣлъ и пріялъ ты сіе отъ Господа, чтобы жить тебѣ

истинною жизнью. Если же не сознаешь въ себѣ ничего такого, то плачь, скорби и сѣтуй; потому что до нынѣ не приобрѣлъ еще ты вѣчнаго и духовнаго богатства, до нынѣ не пріялъ еще истинной жизни“ (Св. Макарія Великаго Наставленія о христіанской жизни. Добротолубіе, томъ I, стр. 186. М. 1883). „Которые совлекли съ себя чловѣка ветхаго и земнаго и съ которыхъ Иисусъ совлекъ одежды царства тьмы, тѣ облелись въ новаго и небснаго чловѣка Иисуса Христа. И Господь облелъ ихъ въ одѣянія царства неизреченнаго свѣта, въ одѣянія вѣры, надежды, любви, радости, мира, милосердія, благодати, а подобно и всѣ прочія божественныя, животворныя одѣянія свѣта, жизни, неизглаголаннаго упокоенія, чтобы, какъ Богъ есть любовь, радость, миръ, благодать, милосердіе, такъ и новый чловѣкъ, содѣлался сынъ по благодати“ (Тамъ же, стр. 271).

Такое же представленіе имѣетъ святой Отецъ и о вѣчной смерти. Смерть это грѣхъ. „Какъ мясо безъ соли загниваетъ, наполняется великимъ зловоніемъ, и по причинѣ несноснаго смрада всѣ отвращаются отъ него; и въ загнившемъ мясѣ пресмыкаются черви, находятъ тамъ себѣ пищу, поѣдаютъ его и гнѣздятся въ немъ; но коль скоро посыпана соль, — питавшіеся мясомъ черви истребляются и гибнутъ, зловонный запахъ прекращается, потому что соли свойственно истреблять червей и уничтожать зловоніе: такимъ же образомъ и всякая душа, несоленая Св. Духомъ, непричастная небснай соли, т. е. Божіей силы, загниваетъ и наполняется великимъ зловоніемъ лукавыхъ помысловъ“ (Тамъ же, стр. 187). „Истинная смерть внутри, въ сердцѣ, и она сокровенна; ею умираетъ внутренній чловѣкъ. Посему, если кто перешелъ отъ смерти къ жизни сокровенной, то онъ истинно во вѣки живетъ и не умираетъ. Даже, если тѣла такихъ и разрушаются на время, то снова будутъ воскрешены во славу, потому что освящены. Поэтому смерть христіанъ называемъ сномъ и успеніемъ“ (Тамъ же, стр. 276).

Неизвѣстность будущей участи или точнѣ неполная из-

вѣстность остается только на долю борющихся между различными цѣлями жизни; но если основное направленіе его жизни опредѣлилось, то опредѣлилась и его загробная участь, хотя бы онъ самъ еще не освободился отъ частыхъ паденій. „Если чловѣкъ, находясь еще во брани, когда въ душѣ его дѣйственны и грѣхъ и благодать, преставится изъ міра сего,—то куда поступаетъ сей одержимый тѣмъ и другимъ?—Поступаетъ туда, гдѣ умъ имѣетъ свою цѣль и любимое мѣсто. Тебѣ, если постигаютъ тебя скорбь или брань, должно только воспротивиться ей и возненавидѣть“ (Тамъ же, стр. 277).

Весьма понятно, что будущая слава праведниковъ, по ученію пр. Макарія, есть не только награда за добродѣтельную жизнь, сколько просто ея продолженіе. „Посему постарайся вѣрою и добродѣтельною жизнью здѣсь еще приобрести себѣ оное одѣяніе, чтобы намъ, облеченнымъ въ тѣло, не оказаться нагими; и тогда въ день оный ничто не прославитъ плоть нашу. Ибо въ какой мѣрѣ сподобился каждый за вѣру и рачительность стать причастникомъ Св. Духа, въ такой же мѣрѣ прославлено будетъ въ оный день и тѣло его. Что нынѣ собрала душа во внутреннюю свою сокровищницу, то и тогда откроется и явится внѣ тѣла“ (Тамъ же, стр. 279). „Въ оный мѣсяць воскресенія (апрѣль) силою Солнца правды изведется извнутри слава Св. Духа, покрывающая и облакающая собою тѣла святыхъ, та самая слава, какую имѣли они сокровенною въ душахъ“ (Тамъ же, стр. 279). Что нынѣ приобрѣли мы въ душахъ, то самое возсіяетъ и обнаружится тогда, и облечетъ славою тѣла (Тамъ же, стр. 281).

Думается, всякому понятно теперь, что если истинное понятіе о христіанскомъ спасеніи совпадаетъ съ понятіемъ духовнаго совершенства, а союзомъ совершенства является любовь къ ближнимъ, если эта любовь составляетъ такимъ образомъ самое содержаніе спасенія, а не только средство къ его достиженію, то, конечно, опасаться оскуднѣнія любви слѣдуетъ никакъ не отъ спасающихся. Поэтому и все, что

является требованіемъ любви къ ближнимъ, т. е. всякая забота объ общественномъ благѣ, при истинномъ понятіи о спасеніи, является прямымъ требованіемъ послѣдняго. Дозволяя имѣть эту любовь только въ сердцахъ и въ молитвѣ для отшельниковъ на время ихъ уединенія, наша св. вѣра предостерегаетъ однако всѣхъ живущихъ среди общества отъ оболъщенія сантиментальности и признаетъ лживымъ, самообманчивымъ такое представленіе о любви, которое не выражается во внѣшней дѣятельности. „Кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое: какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія?“ (1 Ио. 3. 17). „Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы?“ (Іак. 2, 15, 16).

Итакъ при истинно христіанскомъ взглядѣ на спасеніе его невозможно разрознить отъ одушевленной и притомъ дѣятельной любви къ людямъ. Разрозненіе общественнаго блага и личнаго спасенія выросло изъ непониманія, или слишкомъ узкаго пониманія послѣдняго.

Архимандритъ Антоній.